

•

ДЖОН ЛЕ КАРРЕ

ШПИОН, ПРИШЕДШИЙ С ХОЛОДА

•

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Л33

Серия «Классический детектив»

John le Carré

THE SPY WHO CAME IN FROM THE COLD

Перевод с английского И.Л. Моничева

Оформление В.П. Половцева

Печатается с разрешения литературных агентств
Curtis Brown UK и The Van Lear Agency LLC.

Ле Карре, Джон.

Л33 Шпион, пришедший с холода : [роман] / Джон Ле Карре ; [пер. с англ. И. Л. Моничева]. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 320 с. — (Классический детектив).

ISBN 978-5-17-095534-3

Эта книга включена в список журнала «Time» «100 лучших англоязычных романов». Захватывающая история ветерана британских спецслужб Алекса Лимаса, который предпочитает уходу на покой участие в блестяще задуманной, но смертельно опасной операции. Его задача – дискредитировать и по возможности «убрать» главу одной из крупнейших контрразведок мира.

Однако в Большой игре доверять нельзя никому – ни врагам, ни союзникам, ни даже друзьям...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Le Carré Productions, 1963
© Перевод. И.Л. Моничев, 2014
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2016

ISBN 978-5-17-095534-3

Содержание

1. Контрольно-пропускной пункт «Чарли»	12
2. Цирк	22
3. Под откос	37
4. Лиз.	46
5. Кредит	57
6. Контакт	65
7. Кивер	81
8. «Ле Мираж»	99
9. День второй	127
10. День третий	138
11. Друзья Алека	145
12. Восток	153
13. Кнопки или скрепки	180
14. Письмо клиенту	191
15. Приглашение	204
16. Арест	212
17. Мундт	220
18. Фидлер	226
19. Собрание партийной ячейки	232

20. Трибунал	238
21. Свидетель	259
22. Президент	267
23. Признание	282
24. Комиссар	290
25. Стена	302
26. Путь с холода	317

Предисловие

Сентябрь 1989 года

«Шпион, пришедший с холода», третья написанная мной книга, решительным образом изменила мою жизнь и поставила ребром вопрос, на что же действительно я способен. До ее публикации я занимался писательством чуть ли не втайне ото всех, находясь сам внутри мира секретных служб, под чужим именем, не привлекая к себе внимания сколько-нибудь серьезной литературной критики. Как только роман появился на прилавках магазинов, время моего незаметного и постепенного роста как литератора навсегда закончилось, как ни пытался я вернуть его самым решительным образом — например, перебравшись с семьей на отдаленный греческий остров. Таким образом, «Шпион, пришедший с холода» стал последней книгой периода моей литературной скромности и целомудрия, и все мои дальнейшие эксперименты с беллетристикой, на счастье или на беду, отныне должны были происходить публично. На много лет вперед в издательском мире перестало существовать такое понятие, как «заурядный роман Ле Карре», — к чему так стремится большинство писателей, но и страшатся те из нас, кто хоть что-то понимает в настоящей литературе.

Роман я написал в спешке всего за каких-нибудь пять недель. Я работал над ним ранними утренними часами в снятой для меня посольством квартире в Кенигсвинтере, в редкие свободные минуты за своим столом на службе и даже сидя за рулем машины, когда пересекал на пароме Рейн в обоих направлениях, припарковавшись иногда бок о бок с огромным бронированным «мерседесом» канцлера Аденауэра (или то был «БМВ»?), когда он тоже совершал переправу, следуя по делам главы государства. Помню тот переполох, что поднялся у нас в канцелярии после того, как я доложил, какие газеты он читает, а пресс-отдел посольства тут же принялся гадать, кто из журналистов может иметь влияние на направление мыслей великого человека, хотя, как я подозревал, никто: к тому времени Аденауэр давно миновал стадию, когда на него вообще мог повлиять хоть кто-нибудь. Порой я перехватывал его взгляд, и мне казалось, что он даже улыбается, глядя на меня и мой маленький «хиллман-хаски»* с дипломатическими номерами. Но в преклонных годах он уже напоминал старого вождя индейского племени, выражение лица которого не дано было прочесть простому смертному.

Но конечно же, взяться за перо в тот раз меня заставила Берлинская стена: я отправился в Берлин из Бонна, чтобы наблюдать за строительством, как только разнесся слух, что ее начали возводить. Со мной прилетел коллега из посольства, и, когда мы вглядывались в тупые лица громил с промытыми мозгами, которым поручили охрану нового бастиона Кремля в Европе, он сказал мне, чтобы я стер со своих губ идиотскую улыбку. А ведь я и не подозревал, что в тот момент улыбался. Это, стало быть,

---

6 * Автомобиль, выпускавшийся в те годы в Великобритании. — *Здесь и далее примеч. пер.*

была одна из тех произвольных ухмылок, которые появляются на моем лице в самых неподходящих и очень серьезных случаях. Никакого повода улыбаться у меня тогда и быть не могло. На самом деле я не испытывал ничего, кроме страха и отвращения, — а только такие эмоции и могло вызывать представшее нашим глазам зрелище: постройку стены превратили в превосходное театральное представление, в первостатейный символ того, как чудовищная идеология окончательно сводит людей с ума.

Как же легко мы забываем пережитые страхи! В моем доме в Кенигсвинтере маляры красили стены столовой, когда стали передавать первые новости о строившихся баррикадах. Уподобляясь всем добропорядочным немцам, они аккуратно отмыли свои кисти и, будучи заботливыми отцами семейств, тут же отправились по домам. Посольский секретный конклав обсуждал планы эвакуации. Но куда эвакуироваться, когда мир вокруг рушится? На контрольно-пропускном пункте, устроенном на Фридрихштрассе, который уже скоро стал известен всем как КПП «Чарли», американские и советские танки смотрели друг на друга, разделенные всего лишь ста ярдами проезжей части и тротуаров, направив стволы пушек точно в башни машин врага. По временам они угрожающе рычали двигателями на повышенных тонах, якобы прогревая их и поддерживая в готовности, но на деле пытались психологически подавить противника, как поступают профессиональные боксеры перед важным боем. А где-то по ту сторону стены остались захваченные врасплох британские, американские, французские и западногерманские агенты. Насколько мне известно, ни один не сумел заранее узнать о том, что произойдет, предвидеть события, и теперь им предстояло по-

жинать горькие плоды своей неосведомленности. Впрочем, многие из них нашли себе другие занятия. Но все же большинство поневоле оказалось во вражеском тылу и вынуждено было налаживать связь с хозяевами с помощью припрятанных радиопередатчиков, тайнописи и прочих методов, предназначавшихся, вообще-то говоря, лишь для экстренных ситуаций. С возведением стены индустрия шпионажа стала еще более засекреченной и опасной, вовлекла в себя, как никогда прежде, много новых людей, а главное — стала прибегать к более чем сомнительным методам решения своих задач. Как чувствовали себя советские агенты, оказавшиеся в ловушке в Западной Германии, я могу только воображать. Но они, конечно же, тоже не сидели сложа руки — просто изменившаяся ситуация значительно осложнила им и без того нелегкое существование.

И стена стала свершившимся фактом. Она встала надолго. Ее укрепляли и надстраивали. Ее окружили минными полями и контрольно-следовой полосой, разглаженной так ровно, что на ней сразу бросились бы в глаза даже следы заячьих лап. Очень редко, но кому-то все же удавалось либо перелезть через нее, либо устроить подкоп, либо перелететь на самодельном планере. Это отдельная история, и все те мужчины и женщины, которым удался побег, стали на Западе истинными героями, вероятно, не только потому, что проявили чудеса отваги, но и в силу самой своей малочисленности. Читая новости, приходящие из Восточной Германии сегодня*, те, кто навсегда запомнил стену, могут смело утверждать, что героизм

---

* Имеется в виду падение Берлинской стены в октябре 1989 г.

одиночек проложил дорогу к освобождению миллионов. Наша, то есть западная, пропаганда была в этом смысле совершенно правдива: восточногерманский режим в самом деле ненавидели те, кто жил под его правлением. И беглецы стали авангардом того, что превратилось теперь в армию, состоящую из целого народа, а почти все обвинения, выдвинутые против коррумпированных бонз в руководстве Восточной Германии, оказались справедливыми. И это, вероятно, придает теме моего романа дополнительную остроту.

Что подвигло меня на его создание? Откуда взялась основная идея? Скажу сразу, с такой огромной дистанции во времени любой мой ответ неизбежно окажется тенденциозен. Помню только, что я тогда был глубоко недоволен своей профессиональной деятельностью, а в личной жизни испытывал все крайности одиночества и смятения. Вероятно, многое из пережитых мной чувств заброшенности и озлобления поневоле проникло в характер Алека Лимаса. Помню, что хотел влюбиться, но мое прошлое и замкнутость в себе делали это невозможным. А потому обилие колючей проволоки и манипуляций с людьми в сюжете — это неизбежная дань препятствиям, стоявшим в те дни между мной и личной свободой. Я слишком долго жил в бедности, чрезмерно увлекался алкоголем и начал испытывать искренние сомнения в том, что правильно выбрал сферу деятельности. Стремление к освобождению от всех и всяческих пут не могло не сказаться самым пагубным образом на моей семейной жизни, как и на работе. Наблюдая за строительством стены, я видел перед собой воплощенное отчаяние, и поднявшийся во мне при этом зрелище гнев

тоже нашел отражение в книге. Хотя уверен, что в своих интервью того времени я ничего подобного не говорил. Вероятно, во мне все еще оставалось тогда слишком многое от шпиона, или я сам еще не до конца разобрался в себе, чтобы понять: создавая вымышленную историю с оригинальным сюжетом, я в действительности пытался навести хоть какой-то порядок в хаосе своей жизни.

Разумеется, позже я уже не мог написать ничего подобного, и на какое-то время стало расхожим мнение, что я принадлежу к числу так называемых авторов одной книги. Что «Шпион, пришедший с холода» стал моей большой, но случайной удачей, а остальное уже не шло с этим романом ни в какое сравнение. Моя следующая книга — «Война в Зазеркалье» — в значительно большей степени отражала реальность и боль, которую испытывал я сам, но она была тем не менее встречена британской критикой с прохладцей, как «скучная и нереалистичная». Впрочем, быть может, она такой и получилась, потому что я что-то не припоминаю ни одного положительного отзыва на ее выход в британской прессе.

Однако успех «Шпиона» оказался столь оглушителен, что мне на какое-то время следовало затаиться, и я понимал это. Мой первый брак распался, я прошел через все симптомы болезни величия, которой слава поражает любого литератора, добившегося успеха, как бы горячо он ни отрицал этого. Я нашел другую жену, более мудрую и терпеливую, постепенно сумев взять себя в руки. В результате мне удалось выжить. И для меня больше не существовало отговорок, чтобы писать хуже, чем я умел на самом деле, не пытаясь каждый раз

дойти до видимых границ своих способностей и заглянуть через их край, чтобы увидеть, есть ли там дальше хоть что-то еще или это уже предел.

Но мне, конечно же, никогда не забыть того времени, когда уродливый излом исторических событий совпал с отчаянной ломкой моего собственного жизнеустройства, как и тех недель, в течение которых родилась книга, изменившая мою судьбу.

1

КОНТРОЛЬНО-ПРОПУСКНОЙ ПУНКТ «ЧАРЛИ»

Американец подал Лимасу еще одну чашку кофе и сказал:

— Почему бы вам не отправиться поспать? Мы вам сразу же позвоним, если он появится.

Лимас промолчал, продолжая смотреть в окно будки КПП на совершенно пустынную улицу.

— Вы же не можете ждать вечно, сэр. Не исключено, что он придет в другой день. Мы условимся с polizei, чтобы они тут же оповестили наше управление, и вы прибудете сюда буквально через двадцать минут.

— Нет, — ответил Лимас, — уже почти стемнело.

— Но вы не можете ждать бесконечно. Он опаздывает почти на девять часов.

— Если вам нужно идти — уходите. Вы проявили себя с самой лучшей стороны, — заверил Лимас. — Я так и доложу Крамеру: вы были мне крайне полезны.

— Но сколько еще будете дожидаться вы сами?

— Пока он не придет. — Лимас подошел к окошку наблюдателя и встал между двумя неподвижными фигурами полицейских. Их бинокли были направлены в сторону восточного КПП.

— Он дожидается полной темноты, — пробормотал Лимас. — Я это знаю точно.

— Но утром вы говорили, что он попытается пройти с группой рабочих.

Теперь Лимас взъелся на него всерьез:

— Послушайте, агенты — это вам не рейсовые самолеты. Они не прибывают по расписанию. Он раскрыт, он в бегах, он испуган. Мундт идет по его следу. И у него будет всего один шанс. Так что предоставим ему самому выбирать время.

Более молодой мужчина колебался, желая уйти, но никак не находя подходящего момента. В будке раздался звонок. Они насторожились, но продолжали ждать. Один из полицейских сказал по-немецки:

— Черный «Опель-рекорд», федеральные регистрационные номера.

— Он ничего не видит на таком расстоянии в сумерках, это просто догадки, — шепнул американец и спросил: — Как Мундту все стало известно?

— Помолчите, — отозвался Лимас от окна.

Полицейский вышел из будки и перебрался в укрытие из мешков с песком, устроенное всего в двух футах от белой демаркационной линии, прорисованной вдоль улицы и похожей на разметку теннисного корта. Второй дождался, пока его товарищ присел на корточки у стереотрубы в укрытии, повесил бинокль на грудь, снял с крючка у двери черную каску и тщательно закрепил ее на голове. Где-то гораздо выше помещения КПП внезапно включились прожектора, светом театральных софитов залившие протянувшуюся перед ними дорогу.

Полицейский принялся комментировать происходящее. Но Лимас знал всю процедуру наизусть.

— Машина останавливается у первого контрольного пункта. В ней только один человек, женщина. Ее ведут в помещение Фопо* для проверки документов.

Они некоторое время ждали в молчании.

— Что он говорит? — спросил американец.

Лимас не ответил. Взяв запасной бинокль, он пристально всматривался в восточногерманский пропускной пункт.

— Проверка документов закончена. Получен доступ ко второму этапу.

— Мистер Лимас, это ваш человек? — не отставал от него американец. — Я обязан позвонить в управление.

— Подождите.

— Где сейчас машина? Что происходит?

— Декларирование валюты. Таможенный до-
смотр, — резко ответил Лимас.

Он продолжал наблюдать за машиной. Двое офицеров Фопо рядом с дверью водителя. Один разговаривает, второй стоит чуть в стороне и подстраховывает. Третий обходит вокруг автомобиля. Остановился рядом с багажником и тоже подошел к водительнице. Ему нужны ключи. Потом он открыл багажник, заглянул туда, захлопнул, вернул ключи и прошел тридцать ярдов вперед по улице, где точно посередине между двумя КПП стоял на посту единственный восточногерманский охранник — приземистый человек в сапогах и мешковатых брюках. Они завязали между собой разговор, хотя явно чувствовали себя неуютно в ярком свете прожекторов.

---

* Имеется в виду Vopo — Volkspolizei — «Народная полиция» в бывшей ГДР.

Небрежными жестами сотрудники Фопо показали, что автомобиль может следовать дальше. Машина доехала до двух полицейских, стоявших посреди улицы, и снова остановилась. Они обошли ее, снова посоветовались, но наконец с видимой неохотой решили пересечь границу западного сектора.

— Но вы ведь ждете мужчину, мистер Лимас? — уточнил американец.

— Да, мужчину.

Подняв воротник куртки, Лимас вышел наружу под пронизывающий октябрьский ветер. И ему вспомнилось, как когда-то здесь собралась толпа. В будке эта масса изумленных лиц легко забывалась. Люди менялись, но выражение на лицах оставалось прежним. Это напоминало беспомощные группы зевак, которые собираются на месте автомобильных аварий: никто не знает, как это произошло и можно ли трогать тела. Дым и пыль играли в лучах прожекторов, постоянно перемещаясь из одного светового столба в другой.

Лимас подошел к машине и спросил:

— Где он?

— За ним пришли, и ему пришлось бежать. Он взял велосипед. Обо мне они знать не могли.

— Куда он направился?

— У нас была комната над баром рядом с Бранденбургскими воротами. Он держал там кое-какие свои вещи, деньги, документы. Думаю, он поехал туда. А потом он пересечет границу.

— Этой ночью?

— Он сказал, что этой ночью. Всех остальных схватили — Пауля, Фирека, Лэндзера, Саломона. У него очень мало времени.